

Ожидаемо, публикация снимка Сатору Годжо полицейским департаментом с целью разыскать его родителей привлекла лишь стервятников всех мастей.

Те, что похуже, явно намеревались прибрать ребенка к рукам для темных криминальных делишек; те, что поблагообразнее, жаждали в обход закона усыновить поразительно красивого мальчика. Словом, рассчитывать на чистоту их намерений не приходилось вовсе.

Получив безрадостные вести от комиссара Гордона, Брюс со вздохом потер виски. Он молча наблюдал за тем, как Сатору возится с Диком, гадая, как же поступить с ребенком. Редкая, почти ангельская красота должна быть благословением, но только не в таком гиблом месте, как Готэм.

Оставшись без крова и семьи, сирота неизбежно угодил бы в государственный приют, где миловидный мальчик быстро стал бы мишенью для торговцев людьми или извращенцев. Брюс вытащил подкидыша с того света вовсе не для того, чтобы тот вновь упал на самое дно жизни, обреченный стать чьей-то живой игрушкой в золотой клетке. И дело было даже не в подозрениях относительно его мутантской природы — Брюсом двигало простое человеческое сострадание.

«Может, сплавить его Тони?» — промелькнула легкомысленная мысль.

Брюс тут же представил вечно кутящего плейбоя Старка. Тот, кажется, вознамерился в этом году переспать со всеми моделями с обложек модных журналов и буквально на днях звонил похвастаться своими успехами. Нет, не вариант. Тони нельзя доверять детей. Брюс мысленно вынес суровый приговор другу детства, признав его абсолютно непригодным к роли отца.

— Альфред, как думаешь, — нарушил тишину Брюс, переводя взгляд на своего верного, практически всемогущего дворецкого, — не стоит ли нам подарить Дику брата?

— Решать только вам, мастер Брюс, — тепло улыбнулся Альфред, подливая в фарфоровую чашку свежий чай. — К тому же вы ведь уже все для себя определили, не так ли?

Брюс подпер подбородок ладонью. Глядя на возню мальчишек, он все еще колебался.

Ночной мститель, объявивший войну криминалу, едва ли подходил на роль опекуна для беззащитного младенца. Близость к Бэтмену неминуемо навлекла бы на дитя смертельную опасность. Ему следовало нести свое бремя в одиночку, не втягивая во мрак невинные души. Он был Сизифом Готэма — обреченным, но покорным своей судьбе. День за днем он катил тяжелую глыбу надежды на вершину этой проклятой горы, зная, что рано или поздно она сорвется вниз. И быть может, в один из дней эта глыба просто раздавит его самого.

Брюс прикрыл глаза.

И все же...

— Брюс! — раздался звонкий крик.

Весело свисающий вниз головой Дик внезапно возник прямо перед носом опекуна, крепко прижимая к себе Сатору. Озорная улыбка мальчишки мгновенно выдернула Брюса из трясины мрачных мыслей.

Едва начавший зарождаться проклятый дух — порождение тяжелых мыслей Брюса — мгновенно рассеялся, стоило тому взглянуть на своего воспитанника. Сатору, зажатый в руках старшего мальчика, с любопытством наблюдал за этим чудом сквозь призму Шести Глаз.

Негативные эмоции живут в каждом. Они — пища и первопричина появления проклятых духов. Обычные люди не умеют сдерживать свой внутренний мрак; они безвольно тонут в страданиях, возвращают обиды и порождают монстров, которые со временем обретают плоть. Учитывая, через какой ад пришлось пройти Брюсу Уэйну, Сатору ни капли не удивился бы, обнаружив он на его плечах проклятого духа первого ранга. Но мальчик не собирался читать нотации или копаться в чужих ранах. Маги-заклинатели и проклятия существовали бок о бок с сотворения мира, подобно инь и ян, вечно сталкиваясь и уравнивая друг друга. Это было его привычной работой.

Вот только Брюс упрямо отказывался сдаваться тьме. Он дорожил теми крупинками тепла, что дарила ему его крохотная семья, и любил их всем сердцем, готовый зубами вырывать безопасность для тех, кто был ему дорог. Сатору тихо хмыкнул. Он неуклюже потянулся к Брюсу крохотными ручонками, делая вид, что просится на руки, и в этом объятии незаметно раздавил копошащийся на мужском плече зародыш проклятого духа.

«А этот парень и правда чертовски хороший человек», — лениво подумал Сатору.

Сильный, непреклонный, вобравший в себя лучшие человеческие добродетели, да еще и развивший собственное тело до абсолютного предела для обычного человека. Такой заслуживал награды. Заслуживал признания. И заслуживал... защиты?

«Защитить?»

В глубине разума внезапно вспыхнул смутный образ и тут же растаял без следа. Черные растрепанные волосы, мягкая, полная дружеского лукавства улыбка, тихий смех, шутливые подначки... Все это промелькнуло за долю секунды, и Сатору не успел ухватиться за ускользающее видение, как оно вновь погрузилось в темную бездну амнезии.

В глазах внезапно вспыхнула резкая, ослепляющая боль, будто раскаленный ледоруб вонзился прямо в мозг и провернулся там несколько раз. Мальчик схватился рукой за лицо, пытаясь унять пульсацию в Шести Глазах. Природа этой внезапной вспышки оставалась для него загадкой.

В глубине тела таинственная печать, сковывавшая его проклятую энергию, затрепетала, пустив едва заметную рябь. Высвободившаяся сила хлынула по каналам, замыкаясь в непрерывный, пульсирующий цикл.

Висивший сзади Дик ничего не заметил. Беспечно улыбаясь, он прильнул к Брюсу, лучась детской привязанностью.

— Ну хватит хмуриться, Брюс! Тебе всего двадцать, а ты уже ворчишь как старик, — Дик потянулся к лицу опекуна и упрямо принялся разглаживать пальцами складку у него между бровей. — Не успеешь оглянуться, как прекрасный принц Готэма превратится в дряхлого короля!

Брюс невольно усмехнулся, и его суровый взгляд заметно потеплел.

Веселый сорванец ловко перехватил Сатору, словно тот был новорожденным Симбой из «Короля Льва», вскочил прямо на полированный стол и высоко поднял младенца над головой, подставляя его под льющие из окна солнечные лучи.

— Да пребудет с нами великий круг жизни! — торжественно провозгласил Дик, сияя от собственной шалости, и озорно подмигнул опекуну.

Взглянув в эти бездонные лазурные глаза, Брюс подумал, что их чистый свет не сравнится ни с чем в этом мире. Впрочем, его собственные глаза тоже были чудо как хороши. Не зря ведь пресса величала его «милашкой Готэма» — пусть даже исключительно за смазливое личико.

— Надеюсь, нашу многострадальную люстру в этот раз закрепили на совесть?

Брюс рассмеялся, прекрасно понимая, какую очередную проказу замышляет его маленькая синяя птичка. Он ласково взъерошил мягкие макушки обоих мальчишек и ободряюще кивнул.

Получив долгожданное подтверждение, юный гимнаст сгреб Сатору в охапку и принялся с умопомрачительной ловкостью скакать по всему Поместью Уэйнов. Несчастная хрустальная люстра в парадном холле мгновенно превратилась в цирковую трапецию. Огромная конструкция угрожающе закачалась, готовая вот-вот рухнуть на пол уже в пятый раз за этот месяц.

Сатору мгновенно выбросил из головы странные, туманные видения. Заливаясь счастливым детским смехом, он крепко вцепился в мальчишку, который по факту был куда младше него прежнего, и всеми силами подначивал Дика прыгать еще выше и быстрее. Поместье Уэйнов огласилось звонким детским хохотом, заглушавшим жалобный звон старинных хрустальных подвесок, которые по всем законам приличия заслуживали куда более бережного отношения.

— Похоже, нам придется заказать еще один комплект креплений для люстры, Альфред, —

вздохнул Брюс, косясь на потолок.

Роскошный викторианский светильник издавал душераздирающий скрип, а хрустальные капли исступленно бились друг о друга под весом сорванцов. Брюс выудил из собственных волос пару сиротливо упавших стекляшек и с тихим вздохом отправил их в урну. Ему всерьез пришла в голову мысль закупить десяток таких люстр оптом и сложить в подвале про запас.

Дик со свистом пролетел мимо него, по-прежнему сжимая в объятиях Сатору. Белоснежная макушка малыша и его нереальные, мерцающие лазурью глаза ослепительно сияли в лучах полуденного солнца. От этого зрелища просто невозможно было отвести взгляд.

Сатору жил в поместье уже несколько дней. Разумеется, Брюс пытался прощупать его загадочные способности. Однако связаться с представителями магического сообщества — Затанной или Шазамом — сейчас не представлялось возможным. Все попытки проанализировать силы мальчика подручными средствами заходили в тупик. То ли этот хитрый младенец наперед знал, что Брюс не причинит ему вреда, то ли его защита обладала каким-то продвинутым алгоритмом распознавания угроз.

Будь то шуточный замах игрушечным молотком или высокотехнологичная симуляция атаки — пресловутый невидимый барьер Сатору упорно не желал реагировать. Даже его кровь, взятая на анализ, по всем показателям соответствовала норме обычного здорового ребенка. Вот только стоило результатам теста сформироваться на экране прибора, как пробирка с образцом внезапно взорвалась, а все клетки внутри оказались мгновенно разорваны в клочья какой-то непреодолимой невидимой силой.

Иногда Брюсу казалось, будто во взгляде младенца сквозит откровенное, не по-детски издевательское лукавство — словно тот намеренно водит его за нос. Однако стоило присмотреться повнимательнее, и это мимолетное ощущение бесследно растворялось, оставляя лишь недоумение. Он планировал продолжить наблюдения, надеясь со временем зацепиться хоть за какую-то ниточку.

Однако у жизни были свои планы на этот счет. Не успели сумерки опуститься на Готэм, как непоседливый Сатору, еще недавно разносивший особняк на пару с Диком, вдруг обмяк и перестал дышать.

<http://bllate.org/book/19544/1951400>